

К сожалению, в работе имеется ряд досадных недочетов, отчасти обусловленных общим состоянием понятийного аппарата, используемого при изучении обрядности. Так, понятия «обычай», «обряд», «ритуал», «традиция» и их различные сочетания (свадебный обряд, свадебный ритуал, обрядовый ритуал и т. д.) применяются в ней в качестве синонимов. Попытки упорядочения, ранжирования этих понятий в этнографической литературе предпринимались не раз¹, но все же единообразия в их употреблении нет до сих пор, что нашло отражение и в рецензируемой книге.

В работе встречаются логически не вполне корректные выражения типа: «одной из важнейших черт обряда являлось его бытовое назначение» (с. 76) — а можем ли мы назначение, т. е. функцию, квалифицировать как черту, т. е. свойство, признак? Или, например: «эволюция обрядности выражалась в сокращении архаичных и увеличении социально-бытовых элементов» (с. 34) — но ведь среди архаичных элементов есть и социально-бытовые, а социально-бытовые могут быть и бывают весьма архаичными.

Но эти погрешности не снижают общей ценности работы. Монография С. Курогло интересна и полезна не только исследователям. Рекомендации об использовании отдельных традиционных обрядов в современной обрядности могут быть использованы в практике работы государственных, общественных и культурных учреждений и обогатить формирующуюся социалистическую культуру быта. Кроме того, книга может быть рекомендована и широкому читателю, которого она познакомит с историей, обычаями и повседневной жизнью небольшого самобытного и интересного народа.

Л. С. Христолюбова

¹ См.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, вып. 1, с. 7; Богатырев П. Г., Гусев В. Е. и др. Русское народное творчество. М.: Наука, 1966, с. 42; Гура А. В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (По материалам Вологодской губ.). — В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л.: Наука, 1978, с. 72—88.

Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. I. — Народы Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979, 340 с.; Ч. II. — Народы СССР (кроме Сибири) и Зарубежных стран. Томск. 1980. 250 с.

Большую и очень нужную для науки работу провели этнографы Томского университета, издав каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Над каталогом работала большая группа специалистов. П. Е. Бардиной принадлежит раздел «Тувинцы»; В. М. Кулемзину — «Ханты», «Манси», «Самоеды», «Кеты»; Н. В. Лукиной — «Селькупы», «Остяки», «Ненцы», «Эскимосы», «Долганы», «Эвенки», «Народы Амурского края», «Предметы с неопределенной этнической принадлежностью»; Э. Л. Львовой — «Чулымские тюрки»; А. М. Сагалаеву — «Ламаизм»; Д. П. Славнину — «Русские», «Украинцы», «Болгары», «Мордва», «Марийцы», «Коми-Пермяки», «Эстонцы», «Ненцы», «Имереты», «Персы», «Буряты», «Монголы», «Торгоуты», «Маньчжуры», «Эвены», «Корейцы», «Японцы», «Полинезийцы», «Алеуты», «Индейцы Северной Америки»; Н. А. Томилову — «Сибирские татары», «Алтайцы», «Шорцы», «Казахи», «Киргизы», «Уйгуры», «Узбеки», «Туркмены»; М. С. Усмановой — «Хакасы», «Якуты», «Китайцы».

Вводную статью «Этнографические коллекции Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета» написали Д. П. Славнин и Н. А. Томилов. Иллюстрации к каталогу сделаны художником-этнографом В. Б. Богомоловым (большая часть) и художником С. Т. Бардиным. Общая редакция осуществлена Д. П. Славниным, Н. А. Томиловым (отв. ред.) и М. С. Усмановой. Ими же написаны «Предисловие» (ч. I, с. 3—7) и разделы: «Структура каталога» (ч. I, с. 14—15) и «Список собирателей и дарителей этнографических предметов и коллекций за период с 1882 по 1972 год» (ч. II, с. 228—237). Заканчивается каталог разделом «Предметный указатель» (ч. II, с. 238—249).

В «Предисловии» очень кратко сообщены ценные сведения о составе коллекций музея и об его иллюстративном фонде. Из этой части работы узнаем, что в 1975 г. в этнографическом фонде насчитывалось 2364 экспоната, а в фототеке музея — свыше 4000 единиц. В фототеке хранятся уникальные негативы и фотографии конца XIX — начала XX в., выполненные А. В. Адриановым (хакасы и казахи), С. П. Шведовым (русские «поляки» и алтайцы), А. И. Молотилковым (якуты), Г. Н. Потаниным (разные народы), А. Н. Зиминым (быт китайцев), И. П. Кузнецовым (американские индейцы) и др.

В музее хранятся этнографические рисунки XIX — начала XX в., принадлежащие П. М. Кашарову, Г. Гуркину, Вороновой-Уткиной и др.

В специальном разделе — «Этнографические коллекции Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета» (с. 8—13) рассматриваются вопросы комплектования фондов музея.

Наиболее полно этнографическими экспонатами в музее представлены народы Сибири — на их долю приходится 1420 предметов или около 60% всего фонда. Так, коллекции по этнографии шорцев насчитывают 373 предмета, хантов — 234, коллекции по культуре и быту эвенков — 73 предмета, алтайцев — 63, бурят — 38, сибирских татар — 35, кетов — 27, чулымских тюрков — 27, селькупов — 12, якутов — 10, манси — 8 предметов. Из народов Дальнего Востока в музее этнографическими материалами представлены лишь лишь нивхи и начакцы (85 предметов).

В коллекции по культуре и быту русских — 264 предмета. По всем другим народам СССР в музее имеются лишь единичные предметы.

Есть в музее коллекции и по зарубежным народам, наиболее крупные из них — по этнографии китайцев — 131 предмет, североамериканских индейцев — 84, по культуре корейцев — 23, японцев — 17, маньчжуров — 11 предметов.

Коллекция предметов ламаистского культа из Бурятии, Монголии, Тибета, Тувы насчитывает 129 единиц.

Авторы каталога проделали большую предварительную работу по научной обработке коллекций, без которой немислима была бы его подготовка.

Рассматриваемый каталог впервые суммировал этнографические материалы, хранящиеся в одном музее. Начата работа по подготовке каталогов и в других сибирских музеях. То, что рецензируемая работа издана ротационной печатью и небольшим тиражом, позволяет рассматривать публикацию как предварительную, предполагающую обсуждение.

Опубликованный каталог может рассматриваться как начало работы над сводным каталогом по основным этнографическим материалам в музеях СССР.

В основу структуры рецензируемого каталога и описания предметов правильно положен принцип разделения коллекций по народам, сами же коллекции сгруппированы по темам. Авторы разработали 15 тематических рубрик распределения экспонатов: 1) орудия труда и предметы разных видов хозяйства (охота, рыболовство, земледелие, скотоводство, собирательство и др.), 2) народная техника, ремесла, 3) средства передвижения, 4) жилые и хозяйственные постройки, 5) одежда, 6) утварь, 7) пища, 8) украшения и связанные с ними предметы (штампы, палочки и т. д.), 9) народное искусство, 10) народные календари, 11) народная медицина, 12) спорт, игры, игрушки, 13) оружие и предметы вооружения, 14) культовые предметы, 15) разные предметы.

Авторы каталога в примечании отметили, что порядок описания орудий по отдельным видам занятий может меняться в зависимости от того, насколько важна та или иная деятельность для конкретного народа.

Мы считаем, что целесообразнее было бы придерживаться разработанной структуры во всех разделах и не менять ее, так как меняющаяся структура расположения материалов в разделах будет создавать неизбежные затруднения при работе исследователей. Не совсем понятно, какие вещевые экспонаты, кроме моделей, могут быть отнесены к рубрике «Жилые и хозяйственные постройки». Очевидно, сюда следует включить мебель в интерьере жилища.

При знакомстве с материалом рубрик 6 (утварь) и 7 (пища) возникает вопрос: не лучше ли объединить их под общим заголовком «Утварь и посуда»? Нам представляется также целесообразным объединение рубрик 10 (народные календари) и 11 (народная медицина) в одну — «Народные знания».

Если, как пишут авторы каталога, орудия охоты делятся на луки, стрелы, копья и дротики, то что же тогда отнесено ими в рубрику 13 — оружие и предметы вооружения?

К сожалению, в каталоге экспонаты по темам рубрик не разделены, это создает известное затруднение при чтении.

Для последующей обобщающей работы над сводным каталогом по музеям СССР и для удобства пользования такими изданиями каталоги этнографических коллекций музеев должны иметь единую структуру и единые правила описания экспонатов.

Нельзя признать удачной и структуру каталога и название его выпусков. Часть I названа «Народы Сибири», а часть II — «Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран». Получается, что народы Сибири в состав народов СССР не входят. Структурно следовало бы объединить народы СССР одним заголовком. Целесообразно избрать больший формат издания, чем рецензируемый (14×20 см), что позволит объединить оба выпуска в одну книгу, но с более четким размещением всех необходимых сведений об экспонатах.

Описание коллекций предваряют краткие справки со сведениями о времени их сбора и собирателях. Некоторые справки раскрывают и состав коллекций. Большинство справок написаны составителями каталога хорошо. Однако нельзя признать удачной краткую справку, предпосланную коллекции по русскому населению Сибири. Эта справка (названа она почему-то «Народы Европейской части СССР. Русские») не соотносится с характером экспонатов. В коллекции нет икон, нет также экспонатов, свидетельствующих о прямом или косвенном влиянии на русских культуры коренного населения; следовательно, писать об этом в краткой справке к разделу нет надобности.

Не совсем ясно, сколько экспонатов по русскому населению Сибири хранит университетский музей Томска? В первой части каталога названо 264 экспоната (ч. I, с. 8), в краткой справке к разделу сказано, что русская коллекция состоит из 251 предмета, а в фактическом перечне экспонатов их 259.

Как свидетельствуют данные каталога, 80% русской коллекции поступили в музей до 1917 г., а 20% приходится на период с 1923 по 1932 гг. Основу коллекции составляют экспонаты, переданные основателем музея В. М. Флоринским. Вот об этой коллекции, о ее составе, ценности, особой научной значимости, уникальности отдельных экспонатов (если таковые есть), а также о В. М. Флоринском и следовало бы подробнее сказать во введении к русской коллекции.

Фонд русской коллекции пополняли до 1917 г. многие дарители и собиратели, о чем свидетельствует список, приведенный на с. 225—236 каталога. Мы насчитали 28 лиц, передавших, как сказано в списке, коллекции по русскому населению. Список весьма солидный, но ни в справке к разделу, ни в перечне экспонатов он не раскрыт.

Совсем не лишним было бы написать, какие экспонаты по русскому населению

были переданы в 1907 г. в университетский музей из упраздненного Музея Алтайского горного округа, из Минусинского музея, а также из Сибирского областного музея, можно ли установить, на каких территориях бытовали те или иные предметы из этих коллекций.

Нередко в музеях старые поступления недостаточно датированы, и сегодня большого труда стоит их датировать. Это нам знакомо по другим музеям. Для определения времени изготовления и бытования вещей привлекаются архивные источники, изучаются клейма, сопоставляются материалы и т. п.

Одним из важнейших моментов при изучении этнографического предмета является его датировка — время и место изготовления и бытования; определение социальной принадлежности. Для одежды, украшений и некоторых бытовых предметов важно знать назначение (праздничный, повседневный, обрядовый, промысловый). Все эти данные обычно заносятся собирателями в научный паспорт экспоната и должны войти в каталог. К сожалению, даже в сравнительно недавних сборах экспонатов, представленных в каталоге (Н. В. Лукина — «ханты», ч. I, с. 230—261, 1969 г., Э. Л. Львова — «чулымские тюрки», ч. I, с. 208—213, 1969—1970 г. и др.), эти сведения не всегда приводятся. Надо полагать, что еще не поздно дополнить описание экспонатов необходимыми сведениями, так как без этого каталог будет мало полезен исследователям.

Нас удивляет, что составители каталога (они же сегодняшние собиратели коллекций музея) и не ставили такой задачи, как об этом свидетельствует «перечень моментов», включаемых авторами в описание предметов (ч. I, с. 14). Мы считаем большим пробелом в каталоге этнографических экспонатов отсутствие указанных выше данных.

В коллекциях по разным народам приводятся русские названия предметов, национальные же не всегда (см. колл. по бурятам — ч. I, с. 219—227, сбор 1952 г. В. И. Матюшенко и Г. А. Петлякова, то же и в коллекциях других собирателей недавнего времени), что нельзя считать правильным. Хорошо обработана собирателем Н. В. Лукиной коллекция по хантам (ч. I, с. 230—260). Думается, аналогичную работу нужно провести по всем упомянутым в каталоге коллекциям.

В современном издании следует руководствоваться принятыми в современной науке наименованиями народов и территорий. Народы, проживающие по Енисею, именуются энцы и ненцы, а не самоеды, как указано в каталоге. Старое название лучше ставить рядом с новым в скобках. В этом же плане следует проверить имеющиеся в рецензируемой работе названия других народов (сарты, малороссы).

Каталог вводит в научный оборот весь вещевой фонд по этнографии народов СССР и материалы по зарубежным народам, хранящиеся длительные годы в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета и мало известные в широких научных кругах.

Очень ценно, что каталог снабжен иллюстрированными тематическими таблицами. Было бы полезно снабдить его еще и цветными иллюстрациями и увеличить число черно-белых таблиц.

Высказанные замечания и пожелания несколько не умаляют большой работы, сделанной коллективом научных работников музея и университета. Надеемся, что в доработанном виде каталог в скором времени выйдет типографским изданием.

А. А. Лебедева

К. В. Чистов. Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1980. 256 с.; **И. А. Федосова.** Избранное (Составление, вступительная статья и комментарий К. В. Чистова. Подготовка текстов Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова). Петрозаводск: Карелия, 1981. 303 с.

Карельским издательством выпущены две книги, посвященные русским сказителям Карелии: книга К. В. Чистова, содержащая очерки об известных сказителях — Рябинных, И. А. Федосовой, М. М. Коргуеве и И. Т. Фофанове, и составленный им же сборник избранных произведений И. А. Федосовой, изданный к 150-летию юбилею со дня рождения знаменитой народной поэтессы. Обе книги рассчитаны на широкого читателя, но их с интересом и пользой прочтут и специалисты.

В первой книге в живо написанных очерках дается обзор жизни и творчества сказителей, причем сообщаются некоторые новые или малоизвестные факты из их биографий, говорится об истории записи и публикаций их произведений, проводится идейно-художественный анализ этих произведений.

Во введении автор справедливо отмечает, что рассказать в одной книге обо всех выдающихся русских сказителях Карелии невозможно, поэтому он остановился лишь на тех, о которых сохранилось достаточно сведений или которых автору посчастливилось видеть и слышать самому (с. 27). Нужно признать, что выбор сказителей сделан удачно: читатели получили возможность ознакомиться с жизнью и особенностями творчества сказителей разных типов и разного времени и с разными эпическими жанрами, бытовавшими в Карелии, — былинами, причитаниями, сказками, проследить в какой-то мере их судьбы со второй половины XIX в. почти до середины XX в.

В очерке о Рябинных рассматривается жизнь и творчество представителей знаменитой семейной династии сказителей былин, начиная от открытого П. И. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом Т. Г. Рябинина до ее последнего представителя П. И. Андреева-Рябинина, умершего в 1953 г. Перед нами предстают яркие образы талантливых сказителей, исполненных чувства собственного достоинства, охарактеризованы особенности рябининской семейной традиции. Мы узнаем, как хранилось и передавалось на севере